

Элементы
антропоцентрической
грамматики
русского языка

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М. В. Русакова

Элементы
антропоцентрической
грамматики
русского языка

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 80/81
ББК 81.2Рус-2
Р 88

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
в рамках исследовательского проекта РГНФ
«Грамматика определительных вторичных предикаций
(релятивизация в русском языке)»
грант № 09-04-0264а

Р е д к о л л е г и я:

М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай

Русакова М. В.

Р 88

Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 568 с.
Прилагается CD.

ISBN 978-5-9551-0638-0

Книга представляет собой описание элементов грамматики русского языка в антропоцентрическом освещении. Анализируются результаты многочисленных экспериментов, корпусные данные, речевые ошибки и оговорки, на основании этого анализа делаются выводы о лингвистической природе различных грамматических явлений русского языка. Издание рассчитано на специалистов в области грамматики русского языка, психолингвистики и всех интересующихся соответствующей проблематикой.

ББК 81.2Рус-2

ISBN 978-5-9551-0638-0

© М. В. Русакова, наследники, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии.....	13
О Марине Валентиновне Русаковой и ее книге.....	15
Предисловие.....	27

ЧАСТЬ I. ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Глава 1. Методология, цели, принципы и структура

исследования.....	33
Введение.....	33
Формат представления наблюдений над речью в тексте работы.....	37
Общая характеристика работы.....	39
О природе цельности данного исследования.....	41
Об использовании понятий «стратегия» и «механизм» при изучении речевой деятельности.....	42
О вероятностном прогнозировании и необходимости статистического описания языка.....	44

Глава 2. Конкуренция стратегий и механизмов в процессе

говoreния.....	46
Обращение к речевым сбоям как метод исследования.....	46
<i>Цели, задачи и объект исследования.....</i>	<i>46</i>
<i>Из истории использования речевых ошибок в лингвистических исследованиях (в связи с методологическими особенностями данной работы).....</i>	<i>48</i>
Корпусный анализ отклонений.....	50
<i>Обоснование необходимости корпусного подхода в исследованиях, методологически опирающихся на речевые отклонения.....</i>	<i>50</i>
<i>Анализ одной однородной группы отклонений: естественный прайминг.....</i>	<i>53</i>
<i>Результаты анализа состава однородных групп отклонений.....</i>	<i>61</i>
<i>Речевые сбои как неотъемлемое следствие высокой степени автоматизации речевой деятельности.....</i>	<i>63</i>
<i>Основные положения, вытекающие из корпусного анализа сбоев.....</i>	<i>65</i>
Окказиональное согласование в русском языке и согласовывание как глобальная стратегия оформления словоформы.....	65

Глава 3. О месте данной работы в таксономии лингвистических дисциплин: проблема соотношения лингвистики и психолингвистики	69
О таксономическом статусе настоящей работы в системе лингвистических дисциплин: постановка проблемы	69
О термине «психолингвистика»	72
Термин «психолингвистика» (« <i>psycholinguistics</i> ») в англоязычной научной литературе	73
Термин «психолингвистика» в научной литературе на русском языке	75
Понятие «психолингвистика». Место психолингвистики в современном научном пространстве	76
Место понятия «психолингвистика» в классификациях систем научных знаний по цели и по методам исследования.....	78
Место понятия «психолингвистика» в классификации по признаку объекта исследования	79
О границах в научном пространстве от нейропсихологии до лингвистики	97
Границы между лингвистикой и нелингвистикой.....	97
Границы между психолингвистикой и непсихолингвистикой....	100
Психолингвистика как «альтернативная лингвистика».....	102
Несколько слов об истории понятия «психолингвистика» и термина «психолингвистика» в русской научной традиции	108
О месте данной работы в таксономии лингвистических дисциплин: выводы.....	114

ЧАСТЬ II. ИМЯ И ИМЕННЫЕ КАТЕГОРИИ: РЕЧЕВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ СТАТУС

Глава 4. Падеж	117
О роли случайного в падежной грамматике	117
Стратегии падежного оформления в русском языке (анализ речевых отклонений)	124
Теоретические основания	124
Методика предпринимаемого исследования и предварительные наблюдения	125
Результаты анализа основного корпуса.....	127
Обсуждение результатов.....	138
Заключение.....	144

Глава 5. О функциональной наполненности понятия «имя»	146
Глава 6. Два и другие малые количества	
в мыслительном пространстве, языке и речи	153
Постановка задачи.....	153
Первый эксперимент.....	156
<i>Условия эксперимента</i>	<i>156</i>
<i>Результаты эксперимента</i>	<i>158</i>
<i>Обсуждение результатов.....</i>	<i>165</i>
Второй эксперимент.....	167
<i>Задачи эксперимента.....</i>	<i>167</i>
<i>Условия эксперимента</i>	<i>168</i>
<i>Результаты эксперимента</i>	<i>169</i>
Выводы по экспериментам и их обсуждение.....	170
Глава 7. Категория одушевленности / неодушевленности	175
Категория одушевленности / неодушевленности:	
формально-грамматическая vs. семантически	
наполненная.....	175
<i>Теоретическая база исследования и постановка задачи</i>	<i>175</i>
<i>Эксперименты, проведенные с использованием методики</i>	
<i>«Рассказ по картинке»</i>	<i>178</i>
<i>Эксперимент, нацеленный на изучение метаязыковых</i>	
<i>суждений</i>	<i>201</i>
<i>Сопоставление данных эксперимента</i>	
<i>с корпусными данными</i>	<i>207</i>
Категория одушевленности / неодушевленности	
и проблема интроспекции	213
<i>Стратегии носителей в ситуации эксперимента vs.</i>	
<i>при порождении естественного текста</i>	<i>217</i>
Выводы.....	218
Нестандартные явления в области одушевленности /	
неодушевленности	223
Методика проведения наблюдений.....	224
Понятие периферийности грамматических явлений	
применительно к категории одушевленности /	
неодушевленности.....	228
Обзор сведений, представленных в предшествующих	
работах.....	231
Существительные типа «табун», «народ» и т. п.	233

<i>Конструкция «идти в солдаты», «годиться в матери» и связанная с ней вариативность</i>	236
<i>Различные типы непрототипических отношений «форма — содержание» в сфере категории одушевленности/ неодушевленности</i>	246
Одушевленность / неодушевленность и правила вхождения в языковую систему новых единиц	258
<i>Категория одушевленности / неодушевленности и переносные значения существительных</i>	258
<i>Единицы, обозначающие одушевленные объекты</i>	261
<i>Фразеологические единицы, обозначающие неодушевленные объекты</i>	273
<i>Об изменении статуса существительных с суффиксом «-тель» на шкале «одушевленность — неодушевленность»</i>	285
<i>Влияние свойств денотата на характер вариативности: «лежащий полицейский» и «однорукий бандит»</i>	289
<i>Влияние стилистической окраски единицы с переносным значением: «белые мухи» и подобные сочетания</i>	292
<i>Промежуточные выводы</i>	297
<i>Оформление сочетаний исследуемого типа в речи одного носителя языка</i>	297
<i>«Белые мухи» и «пикейный жилет»: сравнительный анализ</i>	302
<i>Выводы</i>	303
«Степень одушевленности» как онтологическая характеристика объектов: конструкции со словом «несколько»	309
<i>Постановка проблемы</i>	309
<i>Исследовательская процедура</i>	312
<i>Результаты исследования</i>	317
<i>Выводы</i>	321
Реализация категории одушевленности / неодушевленности в единственном и множественном числе.....	321
Глава 8. Аккузатив vs. генитив в конструкциях с отрицанием: динамика взаимоотношений на историческом отрезке, отраженном текстами в НКРЯ	324
<i>Постановка проблемы и обоснование корпусного исследования</i>	324
<i>Работа с основной выборкой</i>	328
<i>Работа со вспомогательной выборкой</i>	335
<i>Сравнение основной и вспомогательной выборки</i>	338

<i>Сравнение полученных данных с распределением аккузативных и генитивных словоформ, управляемых глаголом «видеть» с частицей «не»</i>	340
<i>Обсуждение результатов</i>	344

Глава 9. Русские диминутивы: морфологический,

синтаксический, лексический анализ	354
Типологический экскурс	354
Статус категории диминутивности в русском языке	357
Значения, выражаемые диминутивными суффиксами русских существительных	358
Категория диминутивности и русские прилагательные	360
<i>Употребление прилагательного «маленький» при уменьшительных существительных</i>	360
<i>Суждения о природе диминутивных прилагательных</i>	361
Диминутивность в составе атрибутивного словосочетания.....	361
<i>Типы атрибутивных словосочетаний в связи с категорией диминутивности</i>	361
<i>Диминутивность у русских существительных и прилагательных и проблема согласования</i>	365
Диминутивные прилагательные: взаимодействие с адъективной лексемой.....	367
Обобщение	369

Глава 10. Взаимодействие морфологического, лексического и синтаксического компонентов на примере атрибутивного словосочетания

Постановка задачи.....	371
Взаимодействие между категориями существительного и прилагательного	372
Закономерности поиска слова сквозь призму рассогласования.....	378
<i>Состояние исследованности ментального лексикона</i>	378
<i>Рассогласование определения как источник сведений о лексическом поиске</i>	381
<i>Частотность сбоев в оформлении атрибутивного словосочетания</i>	382
<i>Исчисление возможных причин сбоев в оформлении компонентов атрибутивного словосочетания</i>	384
<i>Выводы о закономерностях лексического поиска, полученные путем анализа высказываний со сбойми</i>	400
Выводы и импликации для проблемы порядка слов	406

ЧАСТЬ III. КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА В ДИНАМИКЕ И СТАТИКЕ

Глава 11. Видовая пара русского глагола в индивидуальном лексиконе и речевой деятельности	411
Постановка вопроса	411
Статус категории вида в русской грамматике	412
Эксперимент	413
<i>Условия проведения эксперимента</i>	413
<i>Результаты эксперимента</i>	415
<i>Обсуждение результатов эксперимента</i>	418
Анализ корпуса ошибок в образовании глагольных форм	418
<i>Анализ ошибок как источник сведений о механизмах построения глагольных форм в процессе порождения речи</i>	418
<i>Анализ ошибок при переходе от форм одного вида к формам другого вида и при переходе от одной формы к другой в рамках традиционной парадигмы</i>	423
Выводы относительно статуса категории вида	425
Глава 12. О конкуренции действительных причастий прошедшего и настоящего времени	427
Определение позиции неопределенности	427
Некоторые мнения о времени причастий в позиции неопределенности	431
Уточнение позиции неопределенности	435
Динамика выбора причастия в позиции неопределенности	442
Выбор причастия и индивидуальные предпочтения автора	447
Поиск грамматических факторов, влияющих на выбор причастия: корпусные данные	450
<i>Характер таксисных отношений</i>	450
<i>Наличие у причастия зависимых</i>	453
<i>Обстоятельства времени в составе причастного оборота</i>	453
<i>Глагольная лексема, от которой образовано причастие: формообразовательные закономерности</i>	455
<i>Глагольная лексема, от которой образовано причастие: семантические закономерности</i>	456
<i>Порядок слов</i>	459
Поиск грамматических факторов, влияющих на выбор причастия: данные эксперимента	462
<i>Условия эксперимента</i>	462

<i>Результаты эксперимента</i>	464
<i>Зависимость времени причастия от грамотности информантов</i>	466
Заключительные выводы	467

ЧАСТЬ IV. ЗВУЧАЩАЯ РЕЧЬ И ПИСЬМО

Глава 13. Реальность морфемы и согласные, парные

по признаку глухости/звонкости, в зеркале интроспекции	473
Постановка задачи	473
Идеологические основы исследования	474
Методика проведения исследования	474
Результаты исследования	475
<i>Аспекты, которые выделяют информанты при описании звука</i>	475
<i>Суждение о фонологическом статусе согласных, чередования и морфологический принцип русской орфографии</i>	481
Обсуждение полученных результатов и фонологические импликации	484
Обобщение	488

Глава 14. Разноуровневые единицы языковой

подсистемы «письменный язык» и их функционирование в процессе письма	489
Постановка проблемы	489
О роли орфографических правил в процессе порождения орфографических написаний	493
<i>Эксперимент 1</i>	495
Служебные морфемы как самостоятельные единицы письменной речевой деятельности	498
<i>Эксперимент 2</i>	500
О единицах ПЯ, не находящихся во взаимно-однозначных соответствиях с единицами, выделяемыми при описании УЯ. Квазиорфографические и квазиграфические стратегии	502
<i>Эксперимент 3</i>	502
<i>Эксперимент 4</i>	506
Обсуждение	511

Вместо заключения: положения, релевантные для разных разделов работы	
Принцип «И, а не ИЛИ» в лингвистическом описании	516
Об использовании кавычек при употреблении лингвистических терминов	517
О методологических принципах опоры на интроспективные отчеты носителей языка	518
О возможностях анализа речевых сбоев с опорой на интуицию исследователя.....	520
<i>Цели и условия проведения эксперимента</i>	520
<i>Результаты эксперимента</i>	521
<i>Обсуждение результатов и выводы</i>	523
<i>Методологические импликации служебного эксперимента</i>	526
О различных типах вариативности в русском языке	526
Литература	531

От редколлегии

Марина Валентиновна Русакова планировала опубликовать эту книгу в 2009 году, через какое-то время после защиты докторской диссертации. Ею тогда была подготовлена первая версия рукописи, которая была подана на издательский грант в РГНФ; предполагалось, что в дальнейшем у Марины Валентиновны еще будет возможность окончательно доработать свою книгу. Однако публикация уже одобренной экспертами РГНФ рукописи тогда была отложена, и при жизни Марины Валентиновны рукопись так и не обрела окончательного вида. В результате позже, когда публикация стала возможна, редакторам этой книги пришлось работать с текстом, который содержательно полностью соответствовал авторскому замыслу, но во многих отношениях все же требовал вычитки и доработки. Таким образом, нами были внесены определенные изменения. Помимо чисто технических моментов (например, устранения опечаток и исправления неточных перекрестных ссылок), мы приняли несколько композиционных решений, постаравшись добиться более равномерного распределения материала по главам, а также устранили небольшое количество повторов и сократили несколько пассажей, в которых мысль автора показалась нам не до конца ясной. Кроме того, обширные приложения, содержащие часть материалов, собранных и использованных Мариной Валентиновной, было решено поместить на отдельный диск, прилагающийся к книге.

Основная наша задача при редактировании состояла в том, чтобы избежать искажения авторской позиции и изменения индивидуального стиля, ограничившись только теми изменениями, которые, как нам кажется, одобрила бы и сама Марина Валентиновна. Поскольку мы много лет тесно сотрудничали с Мариной Валентиновной, были знакомы с ее творчеством, слышали ее незабываемые устные выступления и были в курсе ее поисков, мы надеемся, что нам удалось справиться с этой задачей. Именно поэтому мы приняли решение не отмечать в тексте книги исправления, которые были внесены нами.

Мы не сомневаемся в том, что при окончательной доработке текста книги Марина Валентиновна обязательно написала бы раздел, содержащий благодарности множеству людей, которые так или иначе способствовали созданию этой монографии. К сожалению, однако, такого раздела, даже в черновом варианте, в нашем распоряжении нет. И, несмотря на то, что мы знаем многих людей, которых Марина была бы рада поблагодарить со страниц своей книги, мы все же не чувствовали себя вправе делать это от ее лица. Таким образом, мы можем сейчас искренне поблагодарить только тех, кто вместе с нами принимал участие в окончательной доработке этой рукописи: Н. М. Заику, М. А. Овсянникову, С. А. Оскольскую, М. А. Холодилову и О. Ю. Чуйкову.

О Марине Валентиновне Русаковой и ее книге

Эта книга является обобщающим теоретическим трудом замечательного петербургского исследователя и преподавателя Марины Валентиновны Русаковой (1957—2009). В монографии, посвященной широкому кругу проблем грамматики русского языка, представлены основные результаты многолетней интенсивной работы эрудированного, заинтересованного и активного ученого. Рукопись книги основана на докторской диссертации, которую Марина Валентиновна защитила в мае 2009 г. Она сама предполагала издать книгу, основанную на диссертации, и начала работу по подготовке рукописи к печати, но не успела довести эту работу до конца: в сентябре 2009 г. Марина Валентиновна скончалась после скоротечной болезни.

Марина Валентиновна Русакова как лингвист

Марина Валентиновна была совершенно неординарным лингвистом (те, кто знал ее лично, добавили бы «и человеком»). Думается, что это в полной мере отразилось и в тексте монографии, в чем читатель может убедиться самостоятельно при чтении, однако мне бы все же хотелось отметить некоторые особенности научного мышления Марины, которые во многом составляли ее неповторимое лицо.

1. Какой бы проблемой, каким бы частным явлением ни занималась Марина Валентиновна, ее всегда по большому счету интересовал один вопрос: **почему** носители языка действуют (говорят, воспринимают речь, оценивают то или иное высказывание) именно таким образом? По глубокому убеждению Марины Валентиновны, все остальные мыслимые лингвистические вопросы — от общетеоретических до конкретных описательных — являются вторичными по отношению к этому, главному, и должны быть полностью подчинены ему. В частности, задача описания языковой системы для Марины Валентиновны была неотделима от анализа речевой деятельности носителей языка. Такая единая направленность («антропоцентрическая», как ее называла сама Марина Валентиновна) обуславливала

две яркие особенности ее научного творчества, отраженные и в этой книге.

Во-первых, это мастерское совмещение эмпирических наблюдений, полученных из самых разных источников, и чрезвычайно разнообразие исследовательских методик. Если отвлечься от деталей, можно сказать, что краеугольными камнями методологии Марины Валентиновны были: 1) наблюдения над отрицательным языковым материалом (оговорками, ослышками, описками, коммуникативными неудачами и т. д.), 2) анализ корпусных данных и 3) использование экспериментальных методик. К этому неизменно добавлялось обращение к собственной интроспекции («право на жизнь» этого традиционного метода Марина Валентиновна горячо отстаивала) и металингвистическим суждениям других носителей языка. Однако важно и необычно даже не само совмещение всех этих методов, а то, что ни один из них никогда не становился самоцелью: они всегда оставались лишь средством. Более того, Марина Валентиновна каждый раз тщательно подбирала — или изобретала, если готового не оказывалось, — нужное средство для решения совершенно конкретной текущей задачи (подобно взломщику, имеющему набор отмычек, но подбирающему такую, которая позволит открыть нужную дверь)¹. Если для решения одной задачи подходило несколько средств — Марина Валентиновна использовала их все, для того чтобы повысить надежность данных, например, убедиться в том, что корпусные данные не противоречат данным, полученным в эксперименте.

Во-вторых, это чрезвычайно широкий тематический охват материала: в поле ее зрения попадали едва ли не все основные компоненты системы русского языка, от синтаксиса и семантики до фонетики и графики. Более того, уникальность представленной в этой книге исследовательской программы в том, что, несмотря на разнообразность тем и конкретных вопросов, все эти исследования оказывались в каком-то смысле похожими друг на друга, как бы «били в одну точку». Другими словами, фонетическая, морфологическая, синтак-

¹ Некоторые коллеги иногда отзывались о Марине как о специалисте по речевым ошибкам, или по экспериментальной лингвистике, или по корпусным методам. Нужно заметить, что сама она никогда не принимала такого взгляда на свою деятельность, даже обижалась на него, настаивая на том, что те же оговорки или экспериментальные методы сами по себе интересуют ее очень мало — ровно настолько, насколько они позволяют подобраться к решению проблем грамматики.

сическая и другие теории в понимании Марины Валентиновны были не отдельными учениями со своими законами, а лишь разными взглядами на один и тот же неделимый объект. Неудивительно и то, что в самых разных компонентах системы русского языка Марине Валентиновне легко удавалось найти интересные и важные для нее исследовательские темы: очень часто выяснялось, что с интересовавших ее «антропоцентрических» позиций для русского языка неизученными оказывались не только не замечавшиеся предшественниками частные феномены, но и многие самые базовые явления, которым в принципе уже было посвящено множество работ и которые, казалось бы, уже были изучены вдоль и поперек до нее.

2. Марина Валентиновна никогда не относилась ни к какой определенной научной школе, ни в формальном плане, ни даже на более глубоком идеологическом уровне. По большому счету, вопрос о востребованности языковедческим сообществом ответов на те вопросы, которые занимали ее, интересовал Марину довольно мало. При выборе тем и задач она прислушивалась прежде всего к себе самой, к собственному разуму и внутреннему голосу. Наверное, именно поэтому ее работы часто оказывались какими-то «неформатными», не укладывались в привычные рамки представленных в России, да и за ее пределами, направлений. Это не значит, что Марина Валентиновна не ориентировалась на опыт своих предшественников и современников, особенно на опыт своих «идеологических единомышленников». Напротив, именно непринадлежность к какому-то одному направлению позволяла Марине Валентиновне находить что-то полезное для нее в подходах очень разных ученых — и тех, кого она только читала, и тех, с кем ей довелось работать, и тех, с кем жизнь сталкивала ее как-то иначе. В числе ориентиров, сказавшихся на взглядах Марины Валентиновны, можно упомянуть и традиционную русистику (о которой она всегда говорила как о школе, «опирающейся на здравый смысл»), и традицию русской экспериментальной лингвистики, восходящую к Л. В. Щербе, и функциональную грамматику в духе школы А. В. Бондарко, и психо- и нейролингвистику, и функционально-типологический подход, прежде всего в том смысле, в котором его развивают Дж. Байби и Т. Гивон.

3. Марина Валентиновна всегда уделяла большое внимание логической стороне научного мышления, внутренней структуре аргументации. При этом она никогда не приносила даже малую часть того, что считала истинным, в жертву доступности, ясности изложения,

внешней броскости. Как следствие, рассуждения Марины Валентиновны часто были извилисты и прихотливы, иногда из-за этого трудны для восприятия, но они неизменно вели слушателя или читателя от начальных посылок и данных к конечным выводам, независимо от количества отступлений, уточнений, вспомогательных исследований, которые ей казалось необходимым сделать по пути². Именно поэтому в работах Марины Валентиновны, в частности и в этой книге, непривычно много внимания уделяется метакомментариям, различным пояснениям внутреннего логического аппарата: доказательствам правомерности постановки тех или иных вопросов, исчислению логических возможностей ответа на них (с последующим отбрасыванием неверных), рассуждениям от противного, ответам на возможные возражения, отсылкам к повторяющимся в разных разделах логическим ходам и т. д.

4. Марину Валентиновну отличал неизменный интерес к бытованию языка, который заставляет исследователя внимательно глядеться и, главное, вслушиваться в окружающую языковую стихию, замечать и фиксировать интересные случаи и тенденции. Сама она, надо сказать, была не только исследователем русского языка, но и его искусным носителем, как в устной, так и в письменной форме. Совмещение этих двух начал было чрезвычайно важно для нее. Именно поэтому она осознанно отказывалась от изучения явлений какого бы то ни было другого языка, кроме родного русского, считая, что никогда не смогла бы достаточно тонко понять (а во многом и «почувствовать») языковую природу этих явлений. Зато от работы с материалом родного языка Марина Валентиновна всегда получала огромное удовольствие. Это касалось данных самых разных типов: ее занимали забавные для нашего уха словоупотребления в текстах писателей XVIII века и примеры из современной спонтанной речи, ответы испытуемых, полученные в экспериментальных условиях, и металингвистические суждения собеседника, допустившего оговорку в речи, которого потом Марина Валентиновна подробно расспрашивала о причинах этой оговорки. В каждом из этих речевых произведений Марина Валентиновна видела самостоятельную ценность; именно поэтому в ее работах утверждения всегда иллюстрируются огромным

² Эта позиция приводила Марину Валентиновну к чрезвычайно последовательному (и иногда, возможно, даже чрезмерному) отрицанию какой бы то ни было ценности любых формальных лингвистических теорий.

количеством реальных примеров из текстов разных типов, металингвистические комментарии носителей языка приводятся дословно и иногда сопровождаются уже ее собственными комментариями. Пресловутые сконструированные примеры в ее работах, напротив, не играют почти никакой роли — для решения Марининых задач они были и не нужны. Такое постоянное погружение в языковую среду было неотъемлемой частью подхода Марины Валентиновны к решению лингвистических проблем и отразилось в этой книге.

Из научной биографии

Марина Русакова поступила на русское отделение филологического факультета тогда еще Ленинградского Государственного университета в 1974 и закончила его в 1980 году (первые три года она была студенткой-вечерницей). Достаточно рано научная деятельность Марины оказалась связана с Лабораторией экспериментальной фонетики им. Л. В. Щербы (хотя уже в те годы она интересовалась самыми разными филологическими темами). Заведующая лабораторией (и кафедрой фонетики) Лия Васильевна Бондарко не только была руководительницей, как кажется, всех Марининых курсовых и диплома, но и вообще оказала на Марину — которая всегда считала ее своим основным учителем — большое влияние и в человеческом, и в научном плане. Надо заметить, что фонетика как таковая привлекала Марину мало, а лаборатория, продолжавшая щербовскую традицию экспериментальной лингвистики, была для нее прежде всего местом, где можно было наиболее эффективно заниматься вопросами, связанными с речевым поведением носителей языка. Диплом Марины был посвящен проблеме психолингвистической реальности морфемы в русском языке и был основан на экспериментальном исследовании; материалы дипломной работы были частично опубликованы в вышедшей в 1986 году коллективной монографии «Уровни языка в речевой деятельности», см. [Русакова 1986].

После окончания университета Марина должна была идти в аспирантуру на кафедру фонетики. Однако в последний момент это уже принятое решение было отменено — по причинам, характерным для времени, которое теперь принято именовать «эпохой застоя». Марина была вынуждена пойти работать в школу и на три года оказалась вне постоянных контактов с какими-либо научными учреждениями. Это нарушило естественное поступательное движение в Маринином

творческом развитии и имело — объективно и субъективно — долгосрочные негативные последствия для ее научной деятельности.

С 1983 по 1989 годы Марина работала последовательно в Институте эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова и в научно-исследовательском психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева. В ее задачи входило прежде всего лингвистическое обеспечение проводившихся в этих институтах научных экспериментов. Работа в этих учреждениях, общение с коллегами — нейрофизиологами, психологами и психиатрами — расширили научный кругозор Марины, хотя сама по себе речевая деятельность, девиантная по «объективным» причинам (афазии, психические заболевания), ее не особенно интересовала. Как уже сказано, объектом ее научного интереса был «нормальный» носитель языка и его «нормальная» речевая деятельность (включая и речевые сбои, которые она считала явлением, с необходимостью сопровождающим естественную речь). Поэтому, когда в 1991 году С. Н. Цейтлин открыла в РГПУ им. А. И. Герцена кафедру детской речи, Марина охотно откликнулась на предложение работать там — в каком-то смысле это было возвращением к собственно лингвистическим профессиональным занятиям.

На кафедре детской речи Марина проработала десять лет, читая курсы в основном по общелингвистической проблематике, опубликовала ряд работ (в частности, словарь речи ребенка, базирующийся на одной из первых в нашей стране лонгитюдных записей корпусного типа, созданной ею в 1983—84 годах). Но и детская речь интересовала ее прежде всего не как самоценный объект рассмотрения, а скорее как вариант человеческой речи «вообще».

В этот же период Марина Валентиновна увлеклась сбором и анализом речевых сбоев и ошибок. Богатый практический материал оговорок и самопоправок в русском языке еще не был предметом специального и систематического изучения, хотя подобные исследования на материале других языков уже составили отдельную лингвистическую традицию. В 2001 году она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Именная словоформа флективного языка (согласование в русском атрибутивном словосочетании)». Эта до сих пор не опубликованная в полном виде, большая по объему работа представляет собой одновременно теоретическое исследование проблем атрибутивного согласования в русском языке и ценнейший корпус, включающий в себя более 500 собранных авто-

ром высказываний с разными типами рассогласования в атрибутивном словосочетании.

Вскоре после защиты кандидатской диссертации Марина переходит на работу в СПбГУ, на отделение повышения квалификации филологического факультета.

Весной 2008 года она становится сотрудником отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН. Впрочем, и до того, как Марина Валентиновна стала сотрудником ИЛИ РАН, она принимала деятельное участие в научной жизни отдела — делала доклады, участвовала в обсуждениях, писала внутренние и внешние рецензии, редактировала и рецензировала рукописи.

Этот отдел, пожалуй, в наибольшей степени отвечал представлениям Марины Валентиновны о месте, в котором она хотела бы работать прежде всего по соображениям чисто научным. Развивавшаяся и развивающаяся в отделе под руководством Александра Владимировича Бондарко школа функциональной грамматики идеологически была Марине Валентиновне близка.

Марине Валентиновне всегда были чрезвычайно интересны работы основателя и многолетнего руководителя отдела Соломона Давидовича Кацнельсона, она любила и ценила труды Владимира Михайловича Павлова. Вообще, свойственная трудам старейших сотрудников отдела традиция неторопливых, подробных и опирающихся на обширный и лично прочувствованный языковой материал рассуждений в известной мере повлияла на научный стиль самой Марины Валентиновны.

Последние десять-двенадцать лет жизни Марины Валентиновны были, пожалуй, временем ее наиболее успешной и интенсивной научной работы. В поле ее внимания попадают все новые и новые грамматические сюжеты, она довольно активно публикуется, выступает с докладами на научных конференциях в России и за рубежом. Новые исследовательские возможности предоставляет Интернет. Большой радостью для Марины Валентиновны как лингвиста стало создание Национального корпуса русского языка, который она успела очень широко использовать в своей работе.

Весной 2009 года Марина Валентиновна защитила докторскую диссертацию, суммирующую ее исследования последнего десятилетия (работа над ней началась практически сразу после защиты кандидатской, научным консультантом выступил д. ф. н., профессор С. И. Богданов).

В заключение «биографической» части этого очерка нельзя не сказать еще об одной очень важной стороне деятельности Марины Валентиновны — ее педагогической работе.

Эта педагогическая деятельность как бы распадается на две части: «вузовскую» и школьную. Что касается первой, то тут Марине по большому счету не особенно везло: волею судеб она практически никогда не преподавала студентам, собиравшимся стать профессиональными лингвистами. Частично это компенсировалось тем, что Марина обладала редким свойством, присущим настоящему учителю, — в сущности, она могла с успехом преподавать любой аудитории. Сидели ли перед ней сто первокурсников факультета дошкольного воспитания РГПУ или две немолодых преподавательницы, приехавшие в Петербург на курсы повышения квалификации, — она могла увлечь и тех, и других. И не просто увлечь, а заставить думать о проблемах, о которых им не приходило в голову задуматься раньше...

Совершенно особую страницу в жизни Марины Валентиновны представляет ее работа в двух школах — Санкт-Петербургской классической гимназии (1989—1991) и Общеобразовательном отделении Академической гимназии СПбГУ (1992—1997, Марина являлась основателем и руководителем этой школы). Можно без преувеличения сказать, что в конце 80-х — первой половине 90-х годов школа была для Марины Валентиновны главным занятием, оттеснившим на какое-то время на задний план ее научные интересы. После ухода из школы Марина Валентиновна практически до последнего года своей жизни продолжала быть основным организатором городской олимпиады по русскому языку в Санкт-Петербурге (первая такая олимпиада была организована в Петербургском дворце творчества юных в 1993 году). В течение почти пятнадцати лет Марина Валентиновна придумывала не менее 80 процентов заданий районного и городского туров!

Марина умела обнаружить исследовательскую жилку у школьников и заразить их своим неподдельным интересом к лингвистической работе. Очень часто Марина Валентиновна привлекала к филологической работе старшеклассников, у которых затем эта работа плавно перетекала в студенческую и в конечном счете во взрослую научную деятельность. Благодаря этому многие ее ученики (включая и участников олимпиад по русскому языку) стали впоследствии профессионально состоявшимися филологами и, как мы надеемся, будут в дальнейшем играть ведущую роль в языковедческих исследованиях в

Санкт-Петербурге. Несомненно, творческое взаимодействие с научной молодежью многократно увеличило воздействие Марины на все петербургское филологическое сообщество и обеспечило ей благодарную память десятков молодых коллег.

Об этой книге

Как было сказано, предлагаемая читателю книга основана на тексте докторской диссертации и представляет собой почти полный свод исследований, которыми Марина Валентиновна Русакова занималась последние пятнадцать лет своей жизни. Это определяет многообразие научных сюжетов, представленных в книге. В кратком предисловии нет никакой возможности — да, по всей видимости, и необходимости — подробно характеризовать все разделы монографии. Остановимся лишь на некоторых примерах, позволяющих осветить те особенности научного метода Марины Валентиновны, о которых уже говорилось выше.

Так, самый значительный по объему раздел монографии посвящен особенностям выражения одушевленности / неодушевленности. В этом разделе особенно хорошо видны как теоретические взгляды Марины Валентиновны, так и характер методов, которые она использует для того, чтобы на примере конкретного грамматического явления показать правоту этих взглядов. Одна из основных тем научного творчества Марины Валентиновны последних десятилетий — доказательство того, что подавляющее большинство грамматических различий используется носителями языка для более или менее непосредственного выражения смысла³. Эта мысль лежит в основе и данного раздела. Опираясь на самые разные методики, М. В. Русакова показывает, что и категория одушевленности / неодушевленности является семантически нагруженной, имеет семантические функции. Для того чтобы это доказать, Марина Валентиновна использует весь арсе-

³ Принципы антропоцентрического описания языка, разумеется, могут распространяться не только на грамматику. Многие сведения, относящиеся к другим языковым уровням и аспектам, обычно могут быть наполнены и антропоцентрическим содержанием. Например, утверждение «фонемы русского языка делятся на гласные и согласные», несомненно, не противоречит утверждениям «участвуя в речевой коммуникации, носители русского языка оперируют как гласными, так и согласными», «в индивидуальных системах носителей русского языка представлены как гласные, так и согласные».

нал имеющихся у нее средств — эксперименты, работу с корпусом, анализ отрицательного языкового материала. В фокусе ее внимания прежде всего находятся такие формы и конструкции, которые проявляют непоследовательность по отношению к этой категории. Так, если живой участник ситуации назван именем неодушевленного предмета, это наименование может приобрести при создании текста в условии эксперимента форму одушевленного существительного. Устойчивые сочетания, в которых исконная грамматическая одушевленность существительного не соответствует онтологическим характеристикам предмета или явления, которое они называют, постепенно «дрейфуют» в употреблении «от формы к семантике», ср. корпусный анализ таких сочетаний, как *солнечный зайчик*, *лежащий полицейский*, *белый воротничок*. Анализ — также на основе корпусных данных — конструкций типа *пойти в солдаты*, *попасть в любимчики* показывает, что список глаголов и существительных, входящих в их состав, не ограничен, а пополняется новыми формами. Наконец, большую роль в организации материала этой главы играет анализ интроспективных отчетов говорящих о тех случаях, когда они сомневались в правильности произносимой ими формы. Существенно то, что разные по своей природе свидетельства в целом демонстрируют одно и то же: говорящие на русском языке в процессе речепорождения совершают наполненный смыслом выбор падежной формы объекта, руководствуясь своей интуицией носителя языка, иногда ускользающей от лингвиста.

Проблема, затронутая в этой главе книги, в последнее время снова попала в поле зрения лингвистов в рамках типологического изучения так называемого «дифференцированного маркирования объекта». Как представляется, материал этой главы книги М. В. Русаковой может быть полезен и типологу: он убедительно показывает, что русский язык оказывается не столь бинарен в отношении иерархии одушевленности, как это может показаться, если мы будем исходить из стандартных грамматических описаний. Благодаря исследованиям М. В. Русаковой мы оказались заранее готовы к новому этапу обсуждения этой типологической проблемы на материале русского языка.

Приведу еще один пример. Применение новых методов анализа нередко позволяет заметить скрытые от обычного наблюдения грамматические тенденции, обнаружить их там, где «не действуют» традиционные грамматические методы. Марина Валентиновна проводит абсолютно корректные, «экологические» лингвистические

эксперименты, во время которых испытуемые получают удовольствие от изящной языковой игры, предложенной автором. Например, ею отмечено особенное отношение носителей русского языка к «малым количествам», прежде всего к двойственности. В ходе экспериментов с называнием предметов, изображенных на картинке, автор замечает, что испытуемые обычно стараются сообщить о паре предметов, что их два, отказываясь применять к этим картинкам понятие простой множественности. Это простое наблюдение заставляет автора сделать вывод о том, что семантика «двойственности» до сих пор — несмотря на исчезновение граммем дуалиса — сохраняет свою актуальность для языкового сознания носителей русского языка; этот вывод косвенно подтверждается и другими примерами.

Одна из глав книги рассматривает сбои и оговорки в употреблении атрибутивных сочетаний (этой теме была посвящена кандидатская диссертация Марины Валентиновны). В этой главе особенно рельефно выступает одна из главных особенностей научного мышления Марины Валентиновны — необычайная последовательность в выстраивании логических цепочек рассуждений. В главе приводится исчисление возможных причин рассогласования прилагательного и существительного. Затем на основании анализа — в том числе и статистического — как отрицательного, так и «положительного» языкового материала автор отвергает ряд возможных причин этого явления и приходит к важным выводам о том, что операции по грамматическому оформлению прилагательного начинаются до того, как осуществляется лексический выбор существительного. Марина Валентиновна рассматривает актуальные проблемы, которые только входят в круг проблем современной лингвистики. До сих пор не получил однозначного освещения вопрос о том, происходит ли обработка лингвистической информации последовательно или параллельно. Анализ согласовательных операций в этой книге позволяет строить предположения о том, что некоторые процессы протекают параллельно, а также о том, как хранятся и извлекаются слова из ментального лексикона.

Внимательный читатель может заметить, что наблюдения М. В. Русаковой существенным образом уточняют большинство разделов русской морфологии. Ее внимание было обращено к тем конструкциям русского языка, которые часто употребляются неправильно, создают почву для ошибок и оговорок (как, например, управляемые падежные формы или атрибутивные сочетания) или допускают варианты в грамматическом оформлении. К последней

категории явлений относится употребление диминутивных прилагательных, выбор причастия настоящего или прошедшего времени при отнесенности основного действия к прошлому, родительный или винительный падеж в отрицательных конструкциях и др.

В области глагольной морфологии особенно пристальное внимание автора привлекает проблема соотношения продуктивных и непродуктивных моделей, а также не менее актуальная проблема видового противопоставления. Еще раньше, в коллективной статье 2000 года, Марине Валентиновне и ее соавторам удалось показать, что глаголы, составляющие видовую пару, тесно связаны в ментальном лексиконе носителей русского языка и являются переходным случаем между явлениями слово- и формообразования. Новые данные позволяют прояснить вопрос о видовых парах глаголов, точнее, установить, являются ли члены видовой пары одной лексемой. Отмечу при этом, что для автора важно не формально единообразное описание устройства видовой пары, а то, каким оно является для носителя языка, что, собственно, и позволяют выяснить проводившиеся эксперименты. Многие видовые пары в ментальном лексиконе носителей русского языка составляют единую лемму со своей макропарадигмой. В связи с этими рассуждениями автор ставит вопрос о том, насколько различие словоизменения и словообразования вообще релевантно для описания речевой деятельности. Исследуя проблему видовой парности с опорой на эксперименты и анализ речевых ошибок, М. В. Русакова разрабатывает новые принципы антропоцентрической грамматики.

В целом книга Марины Валентиновны представляет собой весомый вклад в дело создания для русского языка такого грамматического описания, которое находилось бы в русле истинно функционального направления, то есть опиралось бы на узус (ср. понятие *usage-based model*, пока что, кажется, не прижившееся в отечественном лингвистическом дискурсе).

М. Д. Воейкова

Предисловие

Под антропоцентрической грамматикой конкретного языка я понимаю описание грамматической системы, согласующееся с характером протекания речевой деятельности, взаимообусловленным закономерностями организации индивидуальных языковых систем носителей этого языка. Нет такой грамматики, которая по сути не была бы антропоцентрической в той или иной — и, следует отметить, всегда в большой — степени. В какой бы лингвистической идеологии ни создавалась грамматика, вряд ли в ней не будет отражен тот, например, факт, что в русском языке есть падежи. Это знание получено путем наблюдений над текстами. Однако тривиальное утверждение «в русском языке есть падежи», несомненно, находится в согласии с такими утверждениями, как: «носители русского языка, порождая речь, оформляют существительные в категории падежа», «носители русского языка, воспринимая речь, определяют падеж существительных», «в индивидуальных системах носителей русского языка репрезентирована категория падежа»¹.

Сказанное, между прочим, означает, что ядро антропоцентрической грамматики любого хорошо описанного языка — такого, например, как русский — практически уже существует.

Нужно лишь переформулировать традиционные грамматические утверждения в положения, в которых вместо привычных формулировок, характерных для грамматических описаний, употреблялись бы выражения типа «носители языка используют», «носители языка оперируют», «носители языка хранят в своей памяти». Так, например,

¹ Принципы антропоцентрического описания языка, разумеется, могут распространяться не только на грамматику. Многие сведения, относящиеся к другим языковым уровням и аспектам, обычно могут быть наполнены и антропоцентрическим содержанием. Например, утверждение «фонемы русского языка делятся на гласные и согласные», несомненно, не противоречит утверждениям «участвуя в речевой коммуникации, носители русского языка оперируют как гласными, так и согласными», «в индивидуальных системах носителей русского языка представлены как гласные, так и согласные».

положение «Имя существительное *ухо* во множественном числе склоняется с чередованием **х — ш**: *ухо — уши, ушей*» [Шведова (ред.) 1953: 162] можно было бы переформулировать так: «Употребляя имя существительное *ухо* во множественном числе, носители русского языка реализуют чередование **х — ш**: *ухо — уши, ушей*». Можно, конечно, и не осуществлять подобное переформулирование всякий раз; достаточно условиться, что сведения традиционной грамматики, переносимые в грамматику антропоцентрическую, будут иметь антропоцентрический смысл.

Однако далеко не все положения традиционной грамматики могут быть перенесены в антропоцентрическую грамматику автоматически. Например, не вполне очевидно, что такое понятие, как глагольный класс, имеет антропоцентрический коррелят; даже если это так, то репрезентация глагольных классов, их номенклатура и взаимоотношения в индивидуальных языковых системах, а также закономерности оперирования соответствующими единицами должны специальным образом изучаться, прежде чем они станут достоянием антропоцентрической грамматики.

Следует отметить уже в предисловии, что антропоцентрическое грамматическое описание конкретного языка включает гораздо больше аспектов, чем описание традиционное. В первую очередь имеется в виду то, что при антропоцентрическом подходе анализируются стратегии говорящих и слушающих, способы хранения единиц в лексиконе и т.д. Например, будучи однородными с традиционной точки зрения, падежные формы существительных могут различаться в антропоцентрическом освещении, если будет установлено, что одни из них хранятся в памяти и порождаются в процессе речи целиком, а другие конструируются в процессе речи (в режиме «on-line»).

Создание хоть сколько-нибудь полной антропоцентрически ориентированной грамматики русского языка — дело далекого будущего. Цельность грамматики определяется исчерпывающим описанием всех существующих в языке грамматических явлений. В этом смысле предлагаемая книга представляет собой лишь попытку представить несколько фрагментов грамматики нового типа. Надеюсь, однако, на то, что и мое исследование характеризуется цельностью, которая определяется единством подхода ко всем рассматриваемым явлениям. Поскольку в конкретных языковых явлениях, рассматриваемых мною, проявляются общие закономерности, традиционно называемые психолингвистическими, я надеюсь также на то, что в

этой книге, по крайней мере частично, закладывается фундамент и формируется каркас целостного антропоцентрического описания грамматики русского языка.

В этой книге рассматриваются только те явления, антропоцентрическая природа которых не выводится автоматически из традиционных грамматических описаний, — это либо явления, вокруг которых накопилось большое количество нерешенных собственно лингвистических проблем, либо явления неизученные. Анализируя тот материал, который оказался в поле моего зрения, я, естественно, использую традиционные лингвистические термины, понятия, представления; я исхожу при этом из того, что используемые лингвистические знания и элементы лингвистического аппарата наполняются антропоцентрическим содержанием без специальных дополнительных процедур.

Последнее, на что хочется обратить внимание читателя в предисловии, это тот факт, что систематического антропоцентрического описания не имеет на сегодняшний день не только русский, но и никакой другой язык. Меж тем, думается, что без антропоцентрических описаний отдельных языков не может развиваться и направленная на человека лингвистика в целом.

